

Полицейский участок Дунчэн ютился на старой улочке, прямо напротив стильной, оформленной со вкусом кофейни.

Просторное и светлое заведение пустовало — в этот час здесь было лишь несколько посетителей. За панорамным окном спешили по своим делам прохожие. Трое сотрудников, лениво протирая чашки и столешницы, оживленно шушукались, то и дело бросая восторженные взгляды в сторону столика у окна, выходявшего прямо на полицейский участок.

— Господи, какой же он красивый!

— Так хочется сфотографировать его потихоньку...

Юноша у окна был одет в простое серое худи, из-под ворота которого аккуратно высовывался воротник синей рубашки. К стоявшей перед ним чашке кофе он так и не прикоснулся, безучастно глядя на улицу. Светлая кожа, мягкие очертания профиля, алые губы и густые, темные ресницы — его лицо казалось почти кукольным, а в задумчивом взгляде сквозила тихая, затаенная грусть.

Ци Сяохэ неотрывно смотрел на двери участка, ожидая появления адвоката Шу — его прислал господин Ци, Ци Линьгуан. От волнения юноша то и дело принимался теревить пальцы. Хотя этот день он мысленно проигрывал уже тысячу раз, сейчас, на пороге новой жизни, его все равно била мелкая дрожь.

— Простите, господин...

Шорох шагов заставил его вздрогнуть. Ци Сяохэ обернулся на мягкий женский голос.

Перед ним стояла улыбающаяся официантка, державшая в руках тарелку с десертом.

Ци Сяохэ растерянно моргнул.

— Но я этого не заказывал.

Девушка, явно сдерживая волнение, поспешно поставила тарелку перед ним.

— Это комплимент от нашего заведения.

Ци Сяохэ ничего не оставалось, кроме как принять угощение.

— Спасибо.

Однако официантка не спешила уходить. Почувствовав на себе ее выжидающий взгляд, Ци Сяохэ вопросительно приподнял брови. Наконец, преодолев смущение, девушка выпалила:

— Простите, а можно узнать ваши контакты в соцсетях?

Ци Сяохэ удивленно округлил глаза.

Щеки девушки мгновенно залил густой румянец, но она явно не собиралась сдаваться.

— Я учусь на третьем курсе, здесь подрабатываю. Вы ведь тоже студент, верно? Из политехнического или, может, из электронного университета?

Ци Сяохэ смущенно опустил глаза.

— Нет, я еще учусь в школе.

Официантка опешила.

Ее лицо вспыхнуло до самых ушей.

— Ой, прости, пожалуйста! Прости, братишка, обозналась! — затараторила она и, сгорая от стыда, пулей полетела обратно к барной стойке.

Стоило ей шепотом поделиться новостью с коллегами, как все трое разочарованно вздохнули.

Но отвести взгляд от симпатичного юноши они уже не могли. Та самая девушка, что подходила к столику, едва ли не пускала слюни от восторга.

— Ну почему он еще школьник? — причитала она. — Но какой же милашка, просто сил нет!

В девичьих головах уже зрел коварный план: выпросить хотя бы номер телефона. Какая разница, сколько ему лет? Ради такого красавца можно и подождать пару лет, пока он станет совершеннолетним!

Но не успели они сделать и шага, как дверь кофейни распахнулась. В зал стремительно вошел высокий мужчина средних лет в строгом костюме. От него за версту веяло такой непоколебимой, прагматичной уверенностью, что девушки мигом растеряли всю свою смелость и притихли.

Ци Сяохэ все еще сидел как на иголках после разговора с официанткой. Подобное случалось с ним регулярно класса с десятого, но каждый раз, когда его принимали за студента, он

чувствовал укол стыда. До университета ему было еще далеко: сейчас он шел на второй год в одиннадцатом классе, пытаясь исправить провальные оценки.

Ему исполнилось уже девятнадцать, но из-за отвратительных оценок по нескольким предметам в десятом классе он еще до начала выпускных экзаменов осознал: приличный вуз ему не светит. Позволить ему учиться в каком-нибудь заштатном колледже семья Ци не могла — это стало бы очередным поводом для пересудов в их светском кругу. В таких случаях его золотых сверстников обычно отправляли за границу.

Однако уезжать из Китая Ци Сяохэ наотрез отказался. В итоге он остался в школе на второй год, став одноклассником тех, кто был младше его.

Из задумчивости его вырвал сухой, деловой голос:

— Молодой господин Сяохэ.

На стол перед Ци Сяохэ лег темно-красный буклет. Юноша заворуженно уставился на тисненные золотом слова: «Домовая книга».

Помедлив, он протянул дрожащую руку и открыл документ. На первой же странице, прямо напротив его имени, красовалась свежая запись: «Глава домохозяйства».

— Вы просили выписать вас из семейного реестра, — деловито произнес адвокат Шу. — Господин Ци поручил мне этот вопрос, и все формальности уже улажены. Теперь вы официально независимы. Кроме того...

Адвокат достал плотный конверт и кончиками пальцев пододвинул его к юноше.

— Господин Ци сейчас за границей. Он поручил мне передать вам эту карту, на ней лежит пять миллионов юаней. Кроме того, квартира, в которой вы сейчас живете, оформлена на ваше имя. Также господин Ци просил передать, что они с супругой окончательно обосновались за рубежом и возвращаться в страну не планируют. Раз уж вы сами захотели выписаться из семейного реестра, то, полагаю, стремитесь к независимости. Что же касается ваших слов о том, будто вы намерены «работать, чтобы вернуть деньги за свое воспитание»... Господин Ци просил передать, что считает это глупой детской шуткой. Если вы захотите выгодно вложить эти пять миллионов, я могу порекомендовать вам надежного финансового управляющего.

Тон адвоката оставался безукоризненно вежливым, но сухим. Глядя на приемного сына своего влиятельного клиента, он ловил себя на мысли, что природа щедро одарила этого юношу. Пусть в его жилах не текло ни капли благородной крови Ци, его лицо было удивительно красивым.

«Может, этот фальшивый наследник решит податься в шоу-бизнес? — лениво размышлял

адвокат. — Впрочем, господину Ци это вряд ли понравится. А если глава семейства перекроет кислород безродному выскочке, никакой карьеры на сцене мальчишке не видать»

Шу искренне надеялся, что у парня хватит ума просто забрать деньги с квартирой и тихо жить на проценты. В конце концов, до него доходили слухи, что Ци Сяохэ в свои девятнадцать все еще прозябает в старших классах и вряд ли способен поступить в хоть сколько-нибудь приличный университет.

Ци Сяохэ прижал к груди домовую книгу. Его взгляд упал на плотный конверт, а пальцы сиротливо зависли в воздухе, словно он никак не решался прикоснуться к нему.

Адвокат ни секунды не сомневался в успехе: кто в здравом уме откажется от шальных денег? Тем более такой неприспособленный к жизни мальчишка, который ничего не умеет. Поломается для приличия, поизображает гордость, но в итоге заберет все до последнего юаня — если в его голове есть хоть капля здравого смысла.

В конце концов, это была последняя милость, которую господин Ци соглашался проявить к своему бывшему воспитаннику.

Ци Сяохэ наконец коснулся конверта. Его губы побелели от напряжения, но он упрямо наклонил голову и прошептал едва слышно, словно пищащий комар:

— Мне... мне нужно всего пятьсот тысяч. Остальное я не трону. Обещаю, как только я закончу университет... я верну все до последнего юаня господину Ци.

На губах адвоката промелькнула едва заметная покровительственная усмешка.

— Это подарок от господина Ци, молодой господин Сяохэ. Вам не стоит забивать себе голову мыслями о долгах.

Мужчина поднялся и взглянул на дорогие наручные часы.

— Все поручения господина Ци я выполнил. У вас остались ко мне какие-то вопросы, молодой господин Сяохэ?

Ци Сяохэ лишь молча покачал головой.

Юрист натянул дежурную, холодную улыбку.

— В таком случае я откланяюсь, меня ждут дела в офисе. Всего доброго. Берегите карту, молодой господин. И если решите нанять финансового управляющего — звоните.

Ци Сяохэ молча кивнул. Адвокат Шу подхватил свой кожаный портфель и стремительно вышел на улицу.

Оставшись в одиночестве, Ци Сяохэ долго сидел неподвижно, тупо уставившись на лежащие перед ним домовую книгу и пухлый конверт.

Но даже пятьсот тысяч казались ему неподъемной, колоссальной суммой. Он вспомнил, как во время прошлых летних каникул вкалывал два месяца напролет и заработал от силы пять-шесть тысяч юаней. Кухарка в особняке тогда мимоходом заметила, что этих денег не хватит даже на один день питания для семьи Ци. За все девятнадцать лет жизни приемные родители потратили на него неизмеримо больше пяти миллионов. Ци Сяохэ отчаянно хотел вернуть долг, но понимал, что не сможет этого сделать никогда в жизни.

— Не хотите попробовать наш пудинг? — снова раздался над ухом робкий девичий голос.

Вздвогнув, Ци Сяохэ инстинктивно прижал к себе домовую книгу. Он уже собирался отказать, но, подняв глаза, наткнулся на теплый, сочувствующий взгляд официантки.

— Не переживайте так, — мягко улыбнулась девушка, заметив его замешательство. — Я просто видела, что вы совсем без настроения, а сладкое всегда помогает. Хотите пудинг? Обещаю, выпрашивать ваши контакты за это я не стану.

Неожиданная доброта совершенно незнакомого человека тронула его до глубины души. Ци Сяохэ слабо улыбнулся:

— Спасибо, сестричка.

Девушка застыла как вкопанная. Ее напускное спокойствие мгновенно испарилось. Она судорожно прижала ладонь к груди, густо покраснела и, не в силах сдерживать эмоции, пулей умчалась обратно к стойке.

Из-за стойки тут же донеслось приглушенное, восторженное шипение:

— Он назвал меня сестричкой! Девочки, я сейчас просто растаю...

— Какая у него улыбка! Ну разве можно быть таким милым, господи...

Тяжесть на душе у Ци Сяохэ немного утихла. Он взял маленькую ложечку и принялся прилежно, до последнего кусочка есть предложенный десерт.